

Архаический синдром*

Российская тюрьма как социальный институт

Людмила АЛЬПЕРН

После насильственного крещения Руси в конце первого тысячелетия еще не вызревшее до конца** языческое миропонимание спустилось на бытовую уровень народной жизни, превратившись в поверья и суеверия, сказки, былички, и продолжило согласное, хотя и подпольное сосуществование с высокой христианской духовностью. После насильственного отторжения христианства, произошедшего через тысячу лет после крещения, язычество незаметно вышло из подвалов и заполнило ниши, не занятые новой верой, оказавшейся не другой картиной мира, а негативом этой же.

В славянской дохристианской мифологии мир был поделен на три части: навь, явь и правь, соответствующие во времени — прошлому, настоящему и будущему, в пространстве — нижнему царству мертвых, среднему миру живущих и верхнему миру идей и правил. Прозрачна аналогия между языческой и христианской космогонией с ее адом, земной жизнью и раем, такое мироустройство обычно для человеческого мышления. Человек несет в себе элементы макрокосма, создан по его образцу и подобию — трехчастная структура мира и времени отражает состав человеческой души***, в которой Вселенная полностью умещается и каждая часть ее находит себе подходящее обиталище.

По такому же принципу душа строит мир реальный, в котором обустроивает свою земную жизнь. В каждой из частей содержится все части, так, у яви есть своя правь — правительство, которое для простого люда в том числе становится миром будущего, и навь — прошлое, куда входят не только реальные, кладбищенские мертвецы и темные силы, но, по аналогии, и символические — люди, нарушившие правила, данные свыше, тем самым умертвив себя в мире, а также все, кто к ним имеет отношение.

Тюрьма — как мир мертвых и мир прошлого (навь) отвечает этому мифу. В конце 1990-х я описывала ее как избушку Бабы-яги, которая нацелилась повернуться к миру пе-

редом, к лесу задом, позже — как Кошечье царство, Кошечье воинство****. Возможно, такое именование представляется нелестным, даже — бранчливым, но негативные коннотации, которые тянутся за упомянутыми персонажами, существовали не всегда. Кошей в языческой славянской мифологии был нейтральным персонажем, как, например, Гадес или Аид в греческой, не имел враждебной человеку окраски, был правителем мира мертвых. Его отрицательное значение, идеологически сопоставляясь с поляризованным в христианстве злом в виде беса или Сатаны, стало формироваться позже, когда языческое мировоззрение, придя в противоречие с общественной жизнью, становилось нежелательным и даже позорным прошлым.

Мертвым домом назвал тюрьму Федор Достоевский, и это стало ее лучшей метафорой*****. В тюрьму отправляют умерщ-

* Так Карл Густав Юнг определял распад сознания немецкого общества в 30–40-х годах XX века, сопровождавшийся выпадением из его современных христианских и постхристианских форм в бессознательное состояние, которому свойственно языческое миропонимание.

** По мнению многих исследователей.

*** Соответствует трехчастной структуре психического, обнаруженной психоанализом (сверх-я, я и оно).

**** Термин Виктора Некипелова.

***** Его тюремные хроники: с 23 апреля по 13 ноября 1849 года под следствием и судом в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, далее, через экзекуцию на Семеновском плацу, имитирующую смертную казнь, отправлен этапом в Сибирь (до Тобольска везли, а оттуда шел в кандалах с арестантской партией) на 4 года в Омский острог, откуда освобожден в феврале 1854 года на солдатскую службу.

ляться, не умирать — жить мертвым. Мертвая жизнь — это темное состояние души, в которой сознание почти не востребуется, своего рода погружение в историческое прошлое, в жизнь ушедших поколений. Если перейти на язык психологии, пребывание в тюрьме можно приравнять к состоянию глубокой депрессии, основной характеристикой которой является преобладание бессознательной жизни души при отсутствии регулярной связи с сознанием. Однако именно депрессия служит сигналом, свидетельствующим о нарушении этой связи и о необходимости ее установления, выход из нее становится возможным только при достижении этого условия. Иначе говоря, депрессия оборачивает человека к глубинным источникам жизни, к корням, из которых растет культура, приобщая к историческим ценностям, которые могут показаться ненужными современному сознанию, но без которых оно не имеет укорененности, не в состоянии идти дальше, развиваться.

В культурном смысле заключение в тюрьму можно считать возвращением в материнскую утробу, в зародышевое, зачаточное состояние, что соответствует состоянию сознания заключенного. В идеале тюрьма должна заново родить человека, не телесно, но психически, укоренить его сознание в культурной основе, для того чтобы при выходе он смог продолжать жить без нее в состоянии более устойчивом, чем до того, как попал в нее. Попадание же в тюрьму свидетельствует о невождении в культуру, о неовладении или непринятии ее, может быть — о попытках ее сломать.

Эти неочевидные смыслы делают тюрьму культурным институтом, в России так дело и обстоит. Почти сто лет тюрьма работает как гигантская утроба, пропускающая через себя миллионы жизней, что свидетельствует о тяжелом и неоднократном сломи культуры, о гибели ее верхних, развитых, современных слоев, настроенных на человека, о провале в архаические глубины, для которых тюрьма единоразушна.

До революции тюремное население в пересчете на душу населения в России не превышало* европейских «стандартов»**, но уже в начале XIX века Европа пошла «другим путем», на который ее вывели несколько реформаторов, один из них, Джон Говард, повлиял и сам, и через учеников на разви-

тие российской тюремной системы, но разница, учитывающая исторический этап развития общества, оказалась слишком значительной. На Западе тюремная система стала занимать отдельным человеком, что отразилось на ее устройстве, возникла архитектура пенитенциариев, где заключенного помещали в отдельную камеру с целью оторвать от преступного коллектива и предоставить заботам персонала, но главное — Бога; в России, пошедшей по уже не модному на Западе колониальному пути освоения Сибири, групповая система отбывания наказания укоренилась и дошла до наших дней.

На пути освоения Сибири тюремными средствами Россия не преуспела, он оказался чудовишно неэффективным, каторжники не годились в пионеры. Каторга развращала подневольным, бессмысленным трудом, бессемейным бытом, к которому русский человек не был приучен, превращала бытовых убийц мужского пола, а именно они составляли каторжное большинство, в братьев-разбойников, женщин — в проститутку. Люди дичали, опускаясь не только на социальное, но и на историческое дно, выпадая из своего времени до состояния родового строя со всеми его элементами — с дележкой, с групповым браком***.

* Примерно 60 человек на 100 тысяч населения. С середины 1990-х годов и поныне — в десять раз больше: 600–700 на 100 тысяч.

** «По приблизительным вычислениям, сделанным мною, оказывается, что теперь во все европейские тюрьмы ежегодно поступает и содержится в течение более или менее значительного промежутка времени года около 2 миллионов человек обоего пола, в том числе на Россию приходится <...> — более чем 200 тысяч человек» (см.: Фойницкий И. На досуге. Сборник юридических статей и исследований с 1870 года. СПб., 1898).

*** «Между тем, что слышно о нашей тюрьме? Само правительство не может сказать о ней доброго слова и называет ее школой разврата и злодеяния, убийственным местом для неиспорченных, теплым уголком для закоренелых преступников, гарантирующим для них карты и вино, сцены разгула и разврата» (Фойницкий И. На досуге. Т. 1. С. 426–427).

Это вызывало неудовлетворенность специалистов*, глубокий протест в интеллектуальных кругах, и в 60–90-е годы XIX века были предприняты попытки переосмысления тюремного устройства, изучались западные образцы, писались докладные записки, велась дискуссия о переводе тюрьмы на западный стандарт. Обсуждались тогда и финансовые затраты на возможное переустройство, и условия продуктивного вложения средств (речь шла о широком воровстве среди подрядчиков), и его социальные последствия, но до дела так и не дошло. Почему была отвергнута иная модель заключения, можно только предполагать. Мое предположение сводится к тому, что жизнь отдельного человека, тем более преступника, нарушителя норм, вырванного из контекста своего сословия, не была ценностью в России того времени.

Каторга развращала подневольным, бессмысленным трудом, бессемейным бытом, к которому русский человек не был приучен, превращала бытовых убийц мужского пола, а именно они составляли каторжное большинство, в братьев-разбойников, женщин — в проституток

Незадолго до революции, к началу XX века, кое-что сдвинулось — стали строить пенитенциарии**, отменили каторжные порки, да и сама система сибирской каторги и ссылки подверглась серьезному реформированию с целью сокращения численности тюремного населения, осевшего во вступавшей в экономический расцвет Сибири.

Революция, изломав традиционные российские устои, перевернув общество с ног на голову, создала условия для возникновения тюрьмы с новыми задачами, которая в историческом сознании закрепилась под именем ГУЛАГа. Как и прежде, по форме это была каторжная тюрьма с женскими и мужскими бараками в составе одного лагеря. Но грабители и бытовые убийцы уже не составляли абсолютного большинства — третьей частью населения*** лагерей стали те, кого бы прежде не сочли преступниками: инженеры, учителя, ученые, крестьяне, артисты, представители любых профессий,

которых новая ментальность выявила в качестве врагов народа, усмотрев в них силу для возврата старого строя.

Это были грамотные, семейные, религиозные люди, опора прежней культуры, ее память, источник ее существования и развития. Именно они оказались в мертвом доме, подобно машине времени переносящем души в прошлое — в родовой строй, живущий отдельными женскими и мужскими стадами, связанными групповым браком, принуждаемые к тяжелому физическому труду, вознаграждаемые пайкой, возглавляемые дикими вожаками, захватившими власть по праву сильного.

* До революции «совокупность теоретических, исторических и практических сведений об устройстве и управлении тюрьмы, а также о способах достижения целей наказания посредством лишения свободы составляла особое учение, называемое тюремоведением» (Энциклопедия Брокгауза Ф. и Ефрона И.). Эта дисциплина была популярной среди крупнейших юристов того времени, ее адептом был Иван Фойницкий (1847–1913, русский юрист-криминалист. В 1868 окончил Петербургский университет, в котором преподавал с 1871 по 1913; с 1876 — товарищ обер-прокурора уголовного кассационного департамента Сената; с 1900 — сенатор. Организовал русскую группу Международного союза криминалистов (устав утвержден в 1895), председателем которой был до 1905. Представитель социологической школы права. По политическим убеждениям — монархист (БСЭ)).

** К числу которых относится знаменитый питерский изолятор «Кресты» — паноптикон в виде креста, построенный в 1890 году, по системе одиночного заключения (895 одиночных камер и 105 общих), а также одесская тюрьма (408 одиночных камер и 263 общих места) и московская губернская тюрьма (360 одиночных камер и 640 общих мест) (Энциклопедия Брокгауза Ф. и Ефрона И.).

*** За 1920–1953 годы через систему ИТЛ прошло около 10 миллионов человек, в том числе по статье «контрреволюционные преступления» — 3,4–3,7 миллионов человек. Тюремное население составляло в среднем 1500–2000 человек на 100 тысяч населения.

Многие миллионы прошли через этот исторический фильтр, многие из них безвременно погибли. Если проводить аналогии с теми, кто отсидел большие сроки в последнее советское десятилетие, или принять во внимание опыт нынешних заключенных, вряд ли выжившие узники сталинских лагерей сумели избежать архаической прививки. Они были обезврежены, хотя до смерти Сталина их редко оставляли в покое, подвергая новым арестам, высылкам, не позволяя жить в больших городах, заниматься профессиональной деятельностью.

Октябрьский переворот 1917 года совершили и встали во главе общества нового типа люди отсидевшие, неоднократно судимые. Трансформирующая сила тюрьмы для прошедших ее, похоже, никогда не меркнет. Это ли в том числе повлияло на дальнейшую судьбу страны, с тех пор идеологически связанную с местами отбывания наказания, ставшими главным средством модернизации ее экономики и социальной жизни? Считается, что идея лагерей зародилась в голове Троцкого, но именно Сталин, став центром нового строя, аккумулировал в себе его энергию, управлял его развитием, гасил то, что развитию мешало, — прежде всего носителей старой культуры, так как она не может существовать вне носителей и умирает вместе с ними.

Можно свидетельствовать о гибели в лагерях российской культуры конца XIX века, многослойной и многообещающей, давшей богатые всходы незадолго до появления зародившейся на ее трупке монолитной культуры советской, монокультуры. Лагеря стали ее инкубатором, она во многом опиралась на ценности родового строя, ее прототипом стал лагерный «военный коммунизм», обосновавшийся в ГУЛАГе. Он энергично подпитывал основы бесклассового и бессловного, «гладкого» общества, которое формировалось за его пределами.

Вспоминая опыты и жизнь в последнее двадцатилетие советского времени, можно определить систему существующего тогда брака как группового. Люди женились и рожали детей, но браки легко распались и отцы зачастую не жили со своими детьми, перемещаясь в некоем кругу знакомых

женщин, воспитывая детей наличных жен, не особенно задумываясь о судьбах собственного потомства. Им нечего было передавать по наследству, их трудно было назвать кормильцами или главами семейств, это были рабочие муравьи, полностью зависимые от верховной власти, которая реально возглавляла семью советских народов. Советские женщины символически принадлежали ей, что давало им определенную независимость от мужчин, так как государство брало на себя обязательства по содержанию и воспитанию внебрачных детей и бессознательно воспринималось более надежным партнером, чем конкретный муж и отец. В конце концов сформировался социальный институт одиноких матерей, стало возможным и даже выгодным рожать детей вне брака, что давало право на получение льгот — жилья вне очереди, пособий, резервного места в детском учреждении — и других важных степеней социальной защиты.

Если бы в нем не усматривался архаизм, этот опыт можно было бы назвать модернизацией, мы обогнали Запад и самих себя в вопросах сексуальной свободы, если так обозначить советские брачные стратегии, советский брак, который браком в западном смысле не был — его можно было бы в лучшем случае назвать парованием. Браки, разводы, роды, воспитание детей, все это не становилось предметом личной ответственности, да и не существует личной ответственности в групповом браке — он заключается не между отдельными людьми, а между группами, стратами людей. Не семья была «ячейкой» Советского государства, не человек — гражданином его, а группа, коллектив. Обреченные на принудительное существование в стихийно сформированном коллективе, люди не отвечали за себя, личная ответственность табуировалась, и нарушение табу наказывалось не только изгнанием за пределы данного коллектива, но и социальной жизни вообще.

Были разработаны особые советские ритуалы изгнания: общее собрание социальной группы ходатайствовало в руководящие органы об исключении нарушителя из партии, комсомола, профсоюза, затем следовало исключение из учебного заведения, увольнение с работы, и, так как любые структуры входили составными частями в осевую вертикаль — коммунистическую партию, неразрывно связанную

со спецслужбами и органами власти, это фатально выбрасывало проштрафившегося на периферию жизни без работы и средств к существованию и закономерно — в тюрьму.

Тем не менее появлялись герои, находившие в себе мужество бороться со змеем тоталитарной культуры, зараза индивидуализма была невытравляемой, построить коммунизм в отдельно взятой стране оказалось невозможным делом, западные ценности подобно вирусу просачивались через любой чих, давая силу и смелость тем, кто принимал на себя ответственность за происходящее. Их все так же отсылали на перековку в лагеря, в которых гораздо успешнее, чем в «открытом социуме», прививалась культура групповой ответственности через экстремальные практики лагерной субкультуры.

Мужчины и женщины с конца 1940-х годов сидели раздельно, что избавило женщин от сексуального рабства в пользу пришедшего ему на смену каторжного труда и привело к возникновению особых форм жизни как у мужчин, так и у женщин, в том числе лагерного гомосексуализма

Но мифы не врут — до смешного неравная борьба в очередной раз закончилась победой героя. И в который раз выяснилось, что обезглавливание не способствует развитию, единственным способом обезвреживания зверя является его постепенное приручение.

После смерти Сталина ГУЛАГ закончил свое существование, но устройство уголовно-исполнительной системы СССР осталось лагерным, со временем получив название исправительно-трудовых колоний*. Тюремное население слынуло, инженеры и колхозники теперь попадали за решетку главным образом за уголовные преступления, хотя политические статьи, естественно, не исключались. Условия содержания тоже изменились: мужчины и женщины с конца 1940-х годов сидели раздельно, что избавило женщин от сексуального рабства в пользу пришедшего ему на смену каторжного труда и привело к возникновению особых форм жизни как у мужчин, так и у женщин, в том числе лагерного гомосексуализма.

У женщин лесбиянство возникло сразу после разделения и охватывало до 60–90 процентов состава осужденных, имея форму полюбовного парования**. У мужчин форма вызрела к концу 1950-х годов, когда окончательно сформировалась существующая поныне кастовая иерархия тюремных мужских коллективов, включившая всех сидельцев, а не только блатных*** — профессиональных преступников, которые стали ее верхушкой, согласно своему месту в криминальной иерархии; среднюю и самую большую часть составляли «мужики» — ситуативные преступники, не входящие в группировки; за ними — оппортунисты или активисты, иначе — «предатели», «капо», на тюремном языке «козлы» — те, кто в нарушение групповых норм, формально идентифицируясь и проживая в одном племени, являлся членом другого — коллектива тюремщиков; нижнюю ступень иерархии заняла каста неприкасаемых — «опущенные», которые кроме прочих услуг (уборка, стирка) оказывали сексуальные услуги остальным сидельцам. В отличие от женского гомосексуализма, это были недобровольные отношения, позорные и гибельные для тех, кто попадал в число «опущенных», чаще всего — насильно, не имея к этому склонности. Такая же практика существует и сегодня.

Парная «брачная» система, возникшая в женских пенитенциарных учреждениях, гораздо ближе к формам, существующим в современном обществе, чем организация сексуальной жизни в мужских тюрьмах, что позволяет интер-

* С осени 1956 года (Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. М., 1991. Ч. 1).

** Становление женского гомосексуализма ярко описано у А. Солженицына в 8 главе 2 тома «Архипелага» — «Женщины в лагере».

*** До определенного времени блатные считали людьми только представителей своей группы, остальные эки так и назывались — «нелюди» (Краткий словарь тюремного мира, сайт Центра содействия реформе уголовного правосудия. <http://prison.org/nravy/dictionary/1.htm>).

претировать женскую среду как более современную систему формирования социума. Отсутствие кастовой иерархии, «опущенных», легальное сотрудничество (а не вражда) с администрацией — все то, что считается позорным в мужских коллективах, — созвучнее современному пониманию устройства жизни, чем жесткие вертикали мужских тюрем.

Впрочем, и вертикаль — не индивидуальный выбор. На вопрос, почему женская группа аморфна, открыта и больше напоминает «большое общество», чем мужская, похожая на тоталитарную военную структуру, обреченная на кастовость и внешнюю борьбу с симметричной ей административной иерархией, может ответить антропология, согласно которой человеческое общество развивалось, опираясь на устройство тайных мужских союзов, образуемых в процессе возрастной инициации подростковых групп периода первобытной общины.

Именно такая группа, а не семья долгое время была ячейкой общества. Юношеские группы, вытесняемые с территории обитания племени взрослыми мужчинами, возвращались в составе вооруженных бригад, захватывая силой то, что не давалось им по праву, — женщин, скот, угощение, требуя выкупы, что тоже являлось содержанием инициаций. Они не только грабили и насиловали мирное население, но при необходимости осуществляли надзор за порядком внутри общины и защищали ее от внешних врагов, то есть были единой, еще не разделенной на правоохранителей, разведчиков, военных и преступников мужской структурой. В дальнейшем эти функции поляризовались, но форма и принципы устройства структур не изменились по настоящее время.

Женщины тоже жили отдельными стадами, женскими домами или деревнями, включавшими в себя детей обоюбого пола до возраста мужских инициаций, по достижении которого группы мальчиков отделялись от иждивенческой женско-детской группы, образуя новый мужской союз. Смысл возрастных инициаций состоял в том числе в очищении от женского, в среде которого выросли иницируемые. Женское табуировалось, становилось запретным, непрохождение инициации отбрасывало неудачника назад, в «позорное» женское состояние, что отчетливо просматривается по

архаическим субкультурным практикам мужских тюрем. Вытеснение женского стало основой гомофобности культуры.

Первобытные вертикальные структуры составили костяк человеческой цивилизации, дальнейшее развитие которого шло по наращиванию горизонтали, способной соединить разрозненные враждебные вертикали путем постепенного впитывания женщин, детей и стариков в мужские сообщества.

На этом пути образовалась и патриархальная семья, возглавляемая старшим мужчиной, ставшая прообразом современного государства. Женское в этой ячейке безвластно, но упорядочено. Но только постепенное включение женского, женских ценностей, делает общество менее похожим на военный лагерь, на мужскую тюрьму.

То, что носит название гражданского общества, представляет собой полную противоположность мужской вертикали — это горизонталь, сетевая структура, ячейкой которой может стать любой заинтересованный человек. Она далека и от патриархальной семьи, охватывающей все структурные элементы общества, расположенные в иерархическом порядке в зависимости от возраста и пола.

Зрелый индивид, составляющий ячейку горизонтальной структуры, в символическом, психологическом смысле представляет собой полноценную группу, семью — общество в целом. Он оказывается микрокосмом, антропосом, проекцией макрокосма, равной миру, представляя собой почти окончательную стадию развития человеческой личности. Независимо от пола, психологически он несет в себе невытесненное мужское и женское — андрогинность, становясь идеальным, творчески реализованным человеком.

В современных российских тюремных формах навязчиво просвечиваются архаические структуры, симулирующие устройство первобытной общины, — женские и мужские дома, наглухо изолированные друг от друга, в чем усматривается элемент модернизации. Впрочем, есть точки на «дорожной карте», где туземки и туземцы встречаются и даже

спариваются*, рождаются и туземные дети. Для младенцев, рожденных в тюрьме, в 30 процентах (в 10 из 34) женских учреждений имеются дома ребенка, куда мать получает ограниченный доступ. Несмотря на железные ограждения, отделяющие детский дом от прочих лагерных «локалок», вряд ли это свидетельствует том, что дети, рожденные от «мертвых» матерей, считаются «живыми», так как лучшего способа «умерщвления» ребенка, чем разлучение с матерью, не придумаешь.

То, что носит название гражданского общества, представляет собой полную противоположность мужской вертикали — это горизонталь, сетевая структура, ячейкой которой может стать любой заинтересованный человек.

Но в целом, несмотря на внешнее сходство с мужской и единство исполнительного кодекса, женская тюрьма осуществляет скорее футуристический проект, если считать, что матриархата не существовало. Осужденные женского пола, изначально отличаясь от усред-

ненной женщины уже тем, что оказались малой частью (5 процентов) тюремного населения, пройдя через тюремный опыт, еще больше отрываются от женского общества.

Пребывание в пространстве лагеря накладывает тень мужского, отторгающего мужское, имитирующего зрелость, не свойственную полу, — соревновательность в борьбе за место в несуществующей иерархии, расхожую монету тюремной жизни. Так как женской иерархии не существует, то и борьба носит нереальный характер, усваивается для будущего. В тюремном настоящем зэчки любезничают с операми, но, выйдя за ворота тюрьмы, наносят смертельные удары сожителем за любое поползновение на навязанное им достоинство.

Реальная жизнь после мертвого дома почти невозможна. Испорченная машина уносит навсегда, в ужасающее прошлое или будущее. Параллельные миры выплескивают на нас волны чужого времени, оставляя в скорбном недоумении.

* Это чаще всего происходит в СИЗО, но также на этапах, на всех их стадиях.